

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д40

Джейн, Анна.

Д40 Северная Корона. Против ветра / Анна Джейн. – Москва : Издательство АСТ, 2016. – 576 с. – (*Звезда Рунета*).

ISBN 978-5-17-092732-6.

Что может отнять любовь?

Благополучие. Ника должна выйти замуж за нелюбимого человека, идеального в глазах других. Но тот, кого она любит, возвращается и предлагает сбежать. Согласится ли она бросить все ради любви?

Месть. Никита должен отомстить за смерть брата и защитить родных, но сможет ли он жить сам, отняв чужие жизни? Или это станет его последней чертой?

Иллюзии. Саша отчаянно жаждет вернуть прошлое, в котором был счастлив, но однажды правда станет известна всем. Однако примет ли эту правду тот, кто хочет уничтожить его?

Музыку. Марта согласилась стать подставной невестой, не зная, какова будет цена одного счастливого дня. Что выбрать - жизнь любимого человека или дело всей жизни?

А способна ли любовь победить все преграды?

Может быть, стоит идти против ветра?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-092732-6.

© Анна Джейн, текст
© ООО «Издательство АСТ»

Часть первая

SCHERZANDO ANDANTE

Случай – псевдоним Бога, когда он не хочет подписаться своим собственным именем.

Анатоль Франс

Июль

Последние дни для Марты выдались нереально суматошными. Честно говоря, девушка и не думала, что такое с ней может произойти: подобные вещи бывают только в книгах да в кино, и при этом не романтических, а в комедийных. И как все это угораздило приключиться с ней, уму непостижимо! Даже Саша, в последнее время не покидающий ее мыслей, плавно ушел на второй план.

Началось все пару месяцев назад – с грандиозной новости о том, что в родном городе Марты будет проходить музыкальный фестиваль отечественных молодых исполнителей «Штрихи гармонии». Его несколько лет подряд проводили при поддержке министерства культуры, кучи видных деятелей современного искусства, радеющих за продвижение классики в массы, а также нескольких известных политиков и бизнесменов. Фестиваль, на который съезжались молодые талантливые исполнители, проходил то в одном городе, то в другом, собирая в дни своего проведения полные залы. Разбросанные по всему свету юные музыкальные таланты, уже успевшие обрести определенную известность как в узких, так и не очень, кругах, охотно съезжались на «Штрихи гармонии» и демонстрировали свои умения.

Родная консерватория была в восторге. Да и сама девушка пребывала почти в эйфории. Во-первых, для культурной жизни города это станет воистину грандиозным событием, во-вторых, на фестивале будут выступать самые талантли-

вые ученики консерватории, в ряды которых Марта тоже попала, а, в-третьих, на «Штрихи» приедет и Феликс — ее друг, которому девушка очень симпатизировала. Естественно, это не могло не радовать Марту, которая в последние дни частенько переписывалась с Феликсом.

Удачному шансу встретиться вновь пианист был рад не меньше, чем сама Марта. По крайней мере, он так писал и говорил в редкие минуты общения по скайпу. Ей даже казалось иногда, что она нравится Феликсу, и тогда Марта думала — а вдруг, если он приедет, то ее чувства с Александра перекинутся на него, ведь, по сути, приятель из Лондона является для нее идеалом. Талантливый пианист, симпатичный парень, интересный собеседник. Он, будучи всего лишь немного старше самой Марты уже умудрился сделать себе имя, выигрывая международные конкурсы и выступая вместе со знаменитыми оркестрами.

Феликс был для Марты просто идеальным вариантом. И понимали они друг друга с полуслова, с полустрочки... И какого же черта она, такая же помешанная на музыке скрипачка, отдала всю любовь своей полной противоположности. Дионов музыку не ценил. Был из тех, кто может слушать, и не слышать.

Как же так вышло?

Девушка и сама не понимала этого.

Она просто ждала начало фестиваля, усиленно к нему готовясь, и прилета Феликса, искренне надеясь, что, увидев лично, сможет полюбить его всем сердцем.

Накануне фестиваля и прибытия друга случилось неожиданное.

Сначала Марте позвонили из консерватории, экзамены в которой она успешно уже сдала, и пригласили в группу встречающих Феликса. Обрадовавшаяся такой перспективе Карлова разговаривала с представительницей деканата, отвечающей за организационные мероприятия. А после с ней связался и глава группы встречающих — преподаватель и дирижер студенческого оркестра младшекурсников Иван Савельич. Пребывая в невероятно хорошем расположении духа, он сообщил, во сколько и где встречающие должны собраться, чтобы приехать в аэропорт, в котором нужно будет встретить не только Феликса, но и еще нескольких прибывших из-за границы музыкантов, спешащих на фестиваль.

— А почему именно я буду в группе встречающих? — удивленно спросила в конце разговора девушка.

— Ты же одна из лучших студенток, — скупно обронил Иван Савельич. — Не тромбониста-бездарника Иванова нам посылать встречать важных гостей, а, Карлова?

— Наверное, вы правы, — отозвалась обрадованная этой новостью девушка.

— Я всегда прав, — самодовольно заявил преподаватель. — Что ж, тогда встречаемся завтра у стен нашей альма-матер, — сказал дирижер и повесил трубку.

Марта, кстати говоря, стала одной из его тайных любимиц — так хорошо она показывала себя концертмейстером в последнее время. Еще и такой важный конкурс выиграла. Если честно, Иван Савельич болел за студентку, правда, вида не подал и при встрече лишь сухо поздравил, сообщив при этом оркестру, что их концертмейстер теперь — важный человек. Музыканты потом долго подшучивали над Карловой, называя ее именно так.

Марте даже казалось какое-то время, что Иван Савельич терпеть ее не может и хочет, чтобы она померла прямо на репетиции в обнимку со скрипкой. Однако взрывной и грозный преподаватель, постоянно орущий на своих студентов, никогда открыто не показывал своего внутреннего расположения тем ученикам, которых считал талантливыми. Напротив, сдирал с них три шкуры, заставляя репетировать до посинения, или ругал даже за самые мизерные ошибки.

Кстати, то, что преподаватель следил за успехами Карловой, имело и еще одну причину: Иван Савельич был тесно знаком с ее отцом, которого девушка терпеть не могла, впрочем, как и сестру. Еще со времен студенчества Иван Савельич и папа Марты были хорошими приятелями, и тот, естественно, был в курсе семейной истории друга, а также его отношений с дочерью от первого брака. А еще он был крестным Юли, правда, об этом мало кто знал. Приглашая Марту в группу встречающих, дирижер преследовал еще одну цель, тайную, — хотел таким образом сблизить сестер. Марта Юлю терпеть не могла. А та сестренку любила и, по словам отца, даже страдала из-за того, что Марта ее игнорирует. Правда, Юлия, как и ее крестный, отличалась железным характером — только что не была такой взрывной,

а скорее невозмутимой, и потому свои переживания напоказ не выставляла, предпочитая держать их при себе. Увидеть плачущую Крестову было делом почти невозможным. Хотя и Марту рыдающей никто никогда не видел.

В общем, Иван Савельич позвал скрипачку не просто так. По его плану, одобренному отцом Марты и Юли, сестры должны были оказаться в одной группе встречающих. Если почаще их сталкивать, вдруг Марта начнет общаться с Юлей?

Дирижеру его план казался просто-таки гениальным! Двух зайцев убьет – встретит несколько гостей, прилетающих в город из разных стран почти в одно время, и поможет Косте, своему другу-раздолбаю, у которого растут сразу две талантливые дочери.

Если об этом плане узнала Марта, она бы просто pokrутила пальцем у виска, заявив, что ничто не заставило бы ее общаться с противной Юлей. Однако ни Иван Савельич, ни Марта, ни ее папа не знали, как развернутся события.

У стен консерватории девушка оказалась ранним утром, довольная и веселая. Вместе с группой встречающих, среди которых было несколько преподавателей, в том числе, Викентий Порфирьевич, а также студенты-пятикурсники, она села в одну из любезно предоставленных министерством культуры машин, и поехала в аэропорт «Купцово». Участников решили встречать с размахом. Полицейские машины их, конечно, не сопровождали, но для каждого из гостей, пребывающих сегодня утром почти в одно время, ибо открытие фестиваля начиналось уже вечером, была выделена специальная машина с двумя сопровождающими. Им же заблаговременно были вручены огромные букеты цветов и ключи от удобных номеров в гостинице «Кедр», куда следовало перед началом «Штрихов» отправить гостей.

Марта точно знала, что она будет сопровождать Феликса – Иван Савельич был в курсе их знакомства и рассудил, что будет правильнее, если англичанина встретит именно Карлова.

Феликсу о том, что она будет встречать его, девушка ничего не сказала, решив сделать сюрприз. А сам он по Интернету последний раз связывался с ней днем ранее, сообщив, что с нетерпением ждет встречи, и вылет его состоится уже через несколько часов. Марта тоже очень ждала их

встречу, правда, ее личную бочку с медом все же подпортила ложка дегтя: с ней в одном автомобиле ехала Юля Крестова, которая вызывала в Карловой лишь желание отвернуться и молчать. Юлия тоже не знала о плане отца и Ивана Савельича, а потому удивилась, увидев среди встречающих сестру. Правда, в отличие от нее, Юля была более чем любезна и даже предложила не позавтракавшей Марте шоколадку, когда они ехал по трассе.

— Не буду, — скупое ответила та и уставилась в окно, а после завидовала Юле, которая с аппетитом, ни на кого не обращая внимания, ела вкусный батончик. Крестова заметила, что изредка сестричка оглядывается на шоколадку, и великодушно предложила угощение еще раз, но Марта вновь отказалась, надменно махнув головой.

— Ведешь себя, как ребенок, — заметила коротко стриженная девушка.

— Молчала бы уж, — задрала нос Марта.

— Тебе не кажется, что в тебе очень уж много гордости? — прямо спросила Юля.

— Не кажется, — буркнула Карлова.

— Зато мне кажется. Откинь уже ее подальше, — Юля посмотрела на сестру. — Кстати, отец был бы рад видеть тебя у нас в гостях.

Марта хмуро повела плечиком. Ага, рад, как же. Он был рад ее бросить ради другой дочери много лет назад. Вот чему он был рад.

— А твоя мать, думаю, не была бы в восторге, — попыталась сказать она как можно более ядовито.

— Моя мать нормально относится к тебе, если что, — ровно отозвалась пианистка, которая больше походила на рок-музыканта, нежели на музыканта, исполняющего классику и делающего это очень и очень блестяще.

— Ага, нормально, — вспомнила красивую и надменную вторую жену Константина Власовича Марта. Они виделись несколько раз, и отлично помнила холеное и несколько стервозное лицо Софии Николаевны, обрамленное черными прямыми волосами. Вторая жена отца выглядела не на свой возраст, а лет на пятнадцать моложе. А вот мама Марты такой яркой ухоженной красавицей не была и из-за поступка своего мужа страдала немало, поэтому Марта ненавидела отца и за каждую морщинку своей матери. Нет, Эльвиру

Львовну нельзя было назвать какой-то там несимпатичной неухоженной женщиной, напротив, она была очень привлекательной, стройной, и выделялась из толпы расправленными плечами и чуть гордо поднятой головой, просто выглядела она на свои годы.

— Думай, как хочешь, — устало провела по коротким ярким волосам Юля ладонью, на запястье которой виднелась маленькая татуировка в виде замысловатых китайских иероглифов. Марта, увидев тату, даже позавидовала — ее-то мама была против всяческих подобных штучек. А у Юли мама, видимо, многое ей позволяла — выглядела Крестова так, как хотела, и делала с собой все, что хотела.

До аэропорта они доехали молча.

Иван Савельич уже отдавал четкие указания, кому, кого и откуда встречать, не забывая при этом раздавать таблички с именами прилетающих.

— Крестова, Карлова, и вы, Викентий Порфирьевич, — кивнул он на пожилого преподавателя истории музыки, — будете отвечать за пианиста Феликса Грея из Лондона. Вам — в международный терминал. Табличка при вас?

— При нас, — отозвался пожилой мужчина, поигрывая ярко-желтой табличкой, на которой почему-то английскими буквами было написано: «Felix Grey». — Почему надпись-то на английском, — изумился он, вспомнив пианиста. — Феликс же этот и по-русски шпарит хорошо.

— Потому, — сурово взглянул на него коллега, которому было поручено встретить гостей фестиваля. Почему — он и сам не знал. Намудрил кто-то из организаторов, подумав, что раз имя-отчество иностранные, то их нужно написать на английском. Дураков много, всех не перечислить и не упомянуть.

— Давайте, я нормально напишу, — потянулся Викентий Порфирьевич к листу формата А4, вставленному в прозрачный карман, который был прикреплен к деревку.

— Не надо! — остановил его дирижер. — Пусть уже так будет. Испортите еще.

— Не надо, так не надо, — обиженно пробурчал его коллега.

— Так, этот ваш Феликс прилетает еще только через час, так что ждите его в зале ожидания международного терминала.

— Через час? — охнул Викентий Порфирьевич. — А что же мы так рано приехали?

Иван Савельич строго на него взглянул и невозмутимым голосом сообщил номер рейса, на котором должен был прилететь пианист.

— Потому что все в разное время прилетают. У моего гостя сейчас будет посадка, — помахал он своей желтой табличкой с надписью «Василиса Курочкина». — Прилетает через 10 минут. А у них, — кивнул преподаватель в сторону двух других коллег, — через полчаса оба гостя. Так что вы уедете последними из «Купцово».

— А почему все встречают гостей по двое, а мы, — введливый Викентий Порфирьевич кинул взгляды на Марту и Юлю, — втроем?

— Потому что так надо, — рявкнул на него дирижер, воспламеняясь, как спичка. — Все, я — в терминал для внутренних рейсов. Вы все — для международных! И только попробуйте не встретить того, кого надо! — Он даже кулаком пригрозил, словно услышал, как в его оркестре кто-то берет на полтона ниже.

Марта хмыкнула, Юля позволила себе улыбнуться, а Викентий Порфирьевич, воинственно уперев руки в боки, заявил:

— Я вам не ваш студент, уважаемый Иван Савельич! Не забываетесь!

— Естественно, — подтвердил тот, — вы хуже!

— Как это хуже? — разинул рот от удивления пожилой мужчина. — Да я, между прочим, заслуженный артист!

— Знаем-знаем.

— Знает он! Лучше бы сказали, чем я хуже студентов! — шумно дышал от негодования Викентий Порфирьевич.

— Они хотя бы меня слушаются, — совсем разгневался дирижер, показывая во всю красу свою творческую холерическую натуру. К тому же с Викентием Порфирьевичем они давно не ладили. Слишком уж были разными.

— Это вам кажется, — парировал преподаватель истории музыки. — Вас, знаете ли, студенты не любят. Вы злой и некорректный педагог, — объявил он.

Марта захихикала в кулак.

— А вы зато белый и пушистый, — захохотал распалившийся Иван Савельич, забыв, зачем он сюда приехал. —

Я, между прочим, всегда адекватно оцениваю студентов. А вот вы — вся консерватория знает! — студентов-то не очень жалуете, а вот студентки, даже искренние дуры, у вас с первого раза все сдают на «отлично» да «хорошо»!

— Ну, вы и сплетник, — ахнул его оппонент и с презрением заявил. — Лучше бы вы своими партитурами были заняты, а не слухами, дорогой мой Иван Савельевич!

— Это не слухи, а проверенные факты.

— Да я... Да вы... Да я... — захлебнулся в праведном возмущении преподаватель истории музыки и разразился гневной тирадой. Иван Савельич ответил ему тирадой не менее обличительной: в общем, два музыканта развернули славные военные словесные баталии. Один покраснел, как помидор, второй в пылу дискуссии размахивал руками. Другие преподаватели пытались, было, успокоить ссорящихся, но потерпели неудачу и удалились в международный терминал, махнув на коллег руками. Эти двое любили иногда поцапаться. И не только между собой.

— Вы гостя-то встречать думаете? — посмотрев на наручные часы, спросила Юлия негромко, однако ее неожиданно услышали. К этой спокойной, вдумчивой и дерзкой одновременно девушке вообще часто прислушивались.

— Думаем, — опомнившись, мигом закрутился со спотом Иван Савельич, которому уже нужно было бежать и встречать свою Василису Курочкину. — Мы с вами потом договорим, — кинул он многозначительный взгляд на озлобленного Викентия Порфирьевича и, прихватив с собой одного из студентов, поспешил вперед. Тот же прошипел что-то нехорошее и, размахивая желтой табличкой с именем своего гостя, побрел следом за Юлей, небрежно сложившей руки в карманы джинсов, как самый настоящий парень, и Мартой, держащей букет. Девушкам до сих пор было смешно — преподаватели, будучи натурами творческими, нервными, частенько терпеть друг друга не могли.

Почти час сестры и их пожилой, но молодящийся преподаватель торчали в зале ожидания. Друг с другом Марта и Юлия не разговаривали, зато всяческими байками из своей музыкальной жизни их развлекал Викентий Порфирьевич, быстро пришедший в отличное расположение духа.

— И когда наш оркестр отправился за границу, с нами вместе поехали — так, знаете ли, тогда полагалось — два

сумрачных типа из КГБ, — рассказывал он душеспасительную историю о своей первой поездке за границу в составе знаменитого оркестра. — Они зорко бдили. Следили за нами. И когда я...

— Наш рейс объявили, — прислушалась ко слегка невнятному женскому голосу, объявляющему о посадках и отлетах воздушных судов, Юля. Преподаватель, казалось, вообще забыл, что делает в шумном зале аэропорта, а Марта объявление проворонила, задумавшись о чем-то своем.

— Тогда скорее пошлите встречать нашего гостя! — встрепенулся пожилой мужчина, резво подпрыгивая на месте. — Вдруг он нас не заметит!

— Заметит, — сказала коротко стриженная пианистка. — И сейчас прямо мы его не встретим. Сначала он пройдет регистрацию, а после получит багаж. Мы успеем.

— Какая ты рассудительная, Юлечка, — с умилением посмотрел на нее Викентий Порфирьевич. — А я даже номер рейса не запомнил. Эх, что бы мы с Мартой без тебя делали, как бы этого Феликса... — тут он глянул на желтую табличку, — ... Грея профукали, как нечего делать.

Крестова не сомневалась, что это могло быть именно так. Она перевела чуть насмешливый, но совсем не злой взгляд на сестру, слегка закусившую нижнюю губу и о чем-то размышляющую. Юле на самом деле хотелось, чтобы у них были хорошие отношения — пусть не самые теплые и близкие, какие бывают у родных сестер, но хотя бы приветливые. Где-то в голове у этой коротко стриженной девушки еще в детстве словно что-то перемкнуло — что-то, отвечающее за совесть и ответственность. Юля, отлично понимая, что любимый отец, фактически живший на две семьи и бросивший первую жену с ребенком, поступил не совсем красиво, чувствовала виноватой и себя.

Хоть эта девушка в душе и была бунтаркой, выступавшей за свободу и равенство каждого человека и производившей впечатление сильной и смелой личности, но в вопросах этики и отношений она старалась все делать по правилам, чтобы никого не обидеть и не унижить. Юля в какой-то степени считала себя эгоисткой, но эгоисткой разумной, как у Чернышевского, и она принадлежала к той самой породе людей, которые не могут пройти мимо несправедливости. Долг, ответственность, четкое разграничение мира на чер-

ное и белое — все это было главными ценностями в мировосприятии этой девушки.

То, как отец поступил с Мартой, ей как раз казалось несправедливым, неправильным, выходящим за грани общечеловеческого приличия. Нет, отца она уже почти не осуждала — у того, действительно, были причины оставить первую супругу и уйти ко второй, любимой и тоже подарившей ему дочку. Да и осуждать Юлия в принципе не любила, тем более родных и близких — если только саму себя. Но ей было очень неловко из-за поступка отца, причем впервые этот стыд появился в далеком детстве, когда Константин Вячеславович привел Юлю в гости к Марте, а та, обычно с радостью принимавшая сестренку и с удовольствием с ней игравшая, вдруг забилась под стол с длинной белоснежной скатертью. По краю были вышиты зелено-синие, в тон к тонким нарядным шторкам, сложные цветочные узоры — их Юля помнила до сих пор совершенно отчетливо.

Марта отказывалась выходить из своего убежища, несмотря на уговоры удивленных отца и матери, а когда Юля все-таки сумела залезть к сестренке под стол, держа в руках папин фонарик, то первое, что увидела, было заплаканное лицо Марты и ее большие, как блюдечки, глаза. Юля сначала испугалась и подумала, что сестра что-то наделала и боится, что ее заругает мама, потом предположила, что Марта ударилась и плачет, но все эти догадки были неверными. Сколько бы Юля не спрашивала, Марта молчала, со смесью испуга и детской злости глядя на нее, и мотала головой, когда та за руку пыталась вытащить девочку из-под стола. Кончилось все тем, что из своего убежища Марту выкурила ее собственная мама, женщина довольно строгая. Эльвира Львовна заставила дочку сесть за стол рядом с отцом и сестрой, но, увидев Константина Власовича, который притащил подарок, Марта в голос разрыдалась и убежала в другую комнату. Ее родители совершенно не понимали того, что происходит, да и маленькая Юля, чувствующая себя и тогда уже тоже взрослой, — тоже. Но она сразу же побежала следом за Мартой, чтобы успокоить ее. И тогда она услышала фразу, которая запомнилась ей на всю жизнь. Как только Юля спросила у прячущейся теперь в шкафу плачущей Марты, что с ней такое, та, на пару секунд перестав всхлипывать, ответила:

— Отстань от меня. Ты украла у меня папу.

Она высунула из шкафа голову — всю в светлых кудряшках и безумно обиженно посмотрела на Юлю опухшими разноцветными глазами. Юля, хлопая ресницами, глядела на сестренку и ничего не говорила, не понимая смысла этих слов, хотя именно тогда у нее в груди стало расти что-то тугое, темное, постоянно стыдящее и укоряющее.

С тех пор Юле казалось, что она виновата перед Мартой, живущей в неполной семье и через силу общающейся с их общим отцом. Крестова честно пыталась наладить отношения между ними, была приветливой и проявляла заботу, но ничего из этого не помогало. Карлова как будто возненавидела и ее, и Константина Власовича, не желая иметь с ними ничего общего и словно бы позабыв, что в их венах течет общая кровь — то, от чего никогда уже нельзя будет избавиться.

В какой-то степени Юля даже слегка завидовала Нике, кузине Марты, которую несколько раз видела, потому как с ней Марта общалась куда более тесно и тепло, чем с ней самой. Впрочем, Крестова не обвиняла в этом сестру — как уже говорилось, ответственной за все в большей степени она считала саму себя.

Конечно, посвящать в свои переживания пианистка никогда и никого бы не стала, а поэтому держала их запечатанными глубоко в себе. К тому же к этой душевной проблеме, нарушающей хрупкое равновесие, добавилась еще одна, связанная с самовыражением в музыке и все с тем же чувством долга и ответственности, которые Юлю не столько мучили, сколько раздражали.

В который раз позвонил Крис.

— Слушай, Юлька, группа Стаса через пару дней выступать в клубе будет, — сообщил хипстер. Их общение со Стасом превратилось в крепкую дружбу. К тому же Крис соизволил написать ему несколько песен. Время от времени Крис тащил Юльку к Стасу, и они вдвоем начинали уговаривать талантливую девушку сыграть вместе с ними на синтезаторе. Юля тогда начинала жутко беситься, потому что тогда остро ощущала жизненность известной поговорки: «Хочется, да колется».

— И что? — спросила она сухо.

— У них проблемы с клавишником, — вздохнул Крис.

Мистика — но проблемы с клавишниками были стабильно постоянными. Музыканты, играющие на синтезаторе, сменя-

ли друг друга один за другим. Кто-то не мог прижиться в группе, кто-то не хотел долго репетировать, а кто-то просто переходил в другие музыкальные коллективы. У предпоследнего неожиданно забеременела девчонка, и тот бросил все — и хобби, и универ, и пошел работать на фирму к отцу, чтобы обеспечивать ребенка. Последний клавишник неожиданно, без объяснений, покинул коллектив Стаса перед важным выступлением на местном рок-фесте, подставив всю группу.

— Не ново, — отозвалась Юля скучающим тоном. — У вас всегда эти проблемы. И мой ответ — нет.

— Что нет? — заорал громко и возмущенно Крис — так, что даже сидящая в соседнем кресле Марта это услышала. — Ты ничего не знаешь, и уже неткаешь! Я от тебя в афиге!

— Я знаю, что ты хочешь, — перебила эмоционального друга Юля, развалившись в кресле и заложив ногу на ногу. И оказалась права.

— Всего лишь один концертик, Юлька. Замени клавишника. Через два дня выступление!

— Ты играть умеешь, сам и заменяй, — лениво потянувшись, сообщила другу Крестова.

— Ну, ты и сволочь, — восхитился Крис. — Ты же знаешь, что я с отцом через два дня буду на закрытии «Штрихов».

Одним из двух человек, которых хипстер искренне боялся, был его собственный отец — не кто иной, как сам Иван Савельевич, дирижер и друг Юлиного отца. Криса он воспитывал один, с помощью своей матушки, старенькой, но крайне грозной женщины, некогда оперной певицы. Бабушка была вторым человеком, которого парень не смел слушаться. Дома, при родственниках, он был образцовым мальчиком, пьянеющим от конфет с ликером и слушающим только классику и размышляющим о высоком. И если отец сказал Крису, что тот будет с ним до самого закрытия, а после пойдет на торжественный банкет, на котором соберется множество деятелей искусства, то будет так, и никак иначе.

— А я что, там не буду? — фыркнула Юля. Она собиралась выступать на фестивале, как и Марта. И обе они должны были играть в одном и том же зале филармонии и в один и тот же день — в последний, третий. Только Марта — с оркестром, а Юля — сольно.

— Я пробил у бати инфу — ты будешь до часов семи, а потом освободишься, — изрек Крис. — Выступление-то

только в десять. Успеешь. Да и репетировать тебе почти не надо, ты же талантливая, — лстыво заметил он, — ноты по-смотришь, чуток послушаешь и...

— Нет, Крис, — отказалась вновь Юля. — Попроси кого-нибудь другого. — Я — пас. — И девушка отключилась под внимательным взглядом любопытной и скупающей Марты.

Спустя полчаса трое встречающих внимательно вглядывались в толпу прилетевших из Лондона, силясь отыскать там пианиста. Марта, как смогла, так описала пианиста:

— Высокий, темноволосый, темноглазый, скорее худой, чем плотный или накачанный. Очень симпатичный, улыбочивый, — тут Карлова осеклась под заинтересованным взглядом сестры, которой показалось, что о госте Марта говорит с излишней эмоциональностью.

«Нравится он ей, что ли?», — подумала про себя Юля.

— Отлично! — воссиял Викентий Порфирьевич. — Будем ждать его! — И он высоко, как только мог, поднял табличку с именем вверх.

Однако никакого Феликса к ним все так и не подходило, хотя поток прибывших из Лондона почти иссяк. Марта, вглядывающаяся в бурлящую толпу людей, в которой то и дело раздавались радостные возгласы и громкие слова приветствия, нервничала все больше и больше. Пианист так и не появился.

— Или мы его не увидели, или он нас, — попробовал себя в роли капитана Очевидности Викентий Порфирьевич. — Давайте-ка поступим так, госпожи мои студентки. Я останусь тут с плакатом, а вы походите и поищите его, раз ты, Марта, знаешь, как этот Грей выглядит. Нам без него никак нельзя уехать.

Девушкам пришлось повиноваться. Правда, Юля отделилась от отдавшей букет преподавателю Марты и для увеличения эффективности поисков пошла в противоположную от сестры сторону, написав на большом листе бумаги, который был у нее с собой, в рюкзаке, фамилию и имя гостя фестиваля.

Марта, фыркнув в спину сестры, минут пятнадцать или больше бегала по чересчур шумному залу прибытия международного терминала и даже по улице, выглядывая знакомую фигуру Феликса, однако поиски ее не увенчались успехом.

«Возможно, у него возникли накладки с регистрацией или с получением багажа, и он только сейчас вышел в зал прилета», — промелькнуло у Карловой в голове, и она поспешно решила вернуться к Викентию Порфирьевичу. Не без труда разыскав уважаемого профессора, девушка чуть не подпрыгнула от радости: стоял пожилой мужчина не один, а в компании с высоким стройным молодым человеком в черных зауженных джинсах и в светло-серой кофте с длинными рукавами. Рядом с ним висела большая дорожная сумка. Поскольку что-то торжественно вещающий Викентий Порфирьевич стоял к ней полубоком, а Феликс — спиной, Марта и не заподозрила неладное. Только подумала, что, кажется, ее друг с их последней встречи еще, кажется, вырос, да размах его плеч стал как-то шире. А еще отметила — стиль одежды совершенно не похож на феликсовский: пианист всегда предпочитал классику: брюки, пуловеры и рубашки, нежели молодежные стильные вещи, да и капюшон на голову никогда не натягивал, но, может быть, вкусы его поменялись?

Длинноволосая девушка решила немного поозорничать. Она осторожно стала пробираться сквозь плотную толпу встречающих, подкралась к Феликсу со спины и прижала палец к губам, заметив на себе удивленный взгляд преподавателя, продолжающего распинаться на тему того, как он рад видеть Феликса в этом городе. Пожилой музыкант при этом забавно размахивал все той же желтой табличкой и букетом цветов и выглядел так, как будто бы встретил не гостя музыкального фестиваля, а последнего из царского рода Романовых.

Марта еще ближе подкралась к высокому молодому человеку, встала на цыпочки закрыла ему глаза своими ладонями. Вернее, хотела закрыть глаза, а закрыла ладонями линзы огромных очков. Это ее слегка смутило, но девушка не стала отступать.

— Угадай, кто? — весело спросила она приятеля, с которым так часто болтала по Интернету.

Марта была уверена — англичанин поймет, что это она.

Но Феликс не понимал и не угадывал. Он просто стоял и не двигался: то ли усиленно думал, кто это, то ли слегка изумился, не ожидав встретить здесь скрипачку.

«Не узнал, что ли?», — подумала Карлова с некоторым недовольством.